

Александр Вебер

Другой социализм

Почему не надо отождествлять социализм и коммунизм

Статья опубликована в журнале / Свободная Мысль. - 2023. - № 3 (1699). - С. 149-160.

Аннотация. Как объяснить утрату европейцами былого видения иного будущего, несмотря на недовольство капитализмом? Одно из возможных объяснений – отождествление в общественном сознании социализма и коммунизма, а коммунизма с тоталитаризмом. Но социализм и коммунизм – не одно и то же. В современную эпоху, наряду с размыванием оснований для идеи коммунизма, одновременно растет объективная необходимость в социальной политике с социалистической направленностью как выражения общих интересов всех граждан, независимо от социального положения.

Ключевые слова. Капитализм; социализм; частные и общие интересы; социальная демократия; профсоюзы; кооперация; планирование; государство.

Annotation. How do we explain Europeans' loss of vision of a different future, despite their dissatisfaction with capitalism? One possible explanation is the identification in the public consciousness of socialism and communism, and of communism with totalitarianism. But socialism and communism is not the same thing. In the modern era, along with the erosion of the foundations for the idea of communism, there is also a growing objective need for social policy with a socialist orientation as an expression of the common interests of all citizens, regardless of social status.

Keywords. Capitalism; socialism; private and common interests; social democracy; trade unions; cooperatives; planning; the state.

...Мы вынуждены признать коренную перемену
всей нашей точки зрения на социализм.

В.И.Ленин

Теория, мой друг, суха,
Но зеленеет жизни древо.

И.-В.-Гёте, «Фауст».

Об одном парадоксе общественного сознания

В 2017 году в Германии была опубликована книга Акселя Хоннета «Идея социализма. Попытка актуализации» [Хоннет 2017, 2020²]. Автор – видный представитель третьего поколения деятелей Франкфуртской школы, к которой принадлежали такие известные ученые левых взглядов, как Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер, Юрген Хабермас, Ульрих Бек. Книга Хоннета (он ученик и последователь Хабермаса) обратила на себя внимание непривычной для нашего времени постановкой вопроса: почему в Западной Европе социалистическое движение, целое столетие с нарастающим размахом

сопутствовавшее в прошлом развитию капитализма, вдруг утратило влияние в массах? И как объяснить парадокс общественного сознания: утрату привлекательности идеи социализма на фоне разочарования в капитализме?

Хоннет не согласен с теми, кто считает, что социализм уже не возродится. Он поставил своей задачей, как говорится в предисловии, доказать, что в социализме «еще скрыта живая искра. Надо только высвободить его ведущую идею из прежнего индустриалистского мышления и поставить её в новые теоретические рамки», отвечающие изменившимся общественным условиям.

На западных обществах, по словам Хоннета, лежит трудно объяснимая печать. С одной стороны, возросшее за последние десятилетия чувство дискомфорта, недовольства социально-экономическим положением, условиями труда, социальными последствиями распространившейся в мире рыночной экономики капитализма; с другой – то, что проявления недовольства лишены всякого «направляющего смысла», какого-либо исторического следа *цели*, основанной на критическом отношении к действительности. Кажется, что утрачена наличествовавшая в прошлом, со времен Французской революции, способность людей вообразить возможность выхода за пределы существующей системы, представить себе какое-то иное общественное состояние «по ту сторону капитализма». Протестные акции указывают на то, что их участники вроде бы знают, чего они не хотят, что их возмущает, но не имеют никакого более или менее ясного представления о том, куда именно протесты должны и могли бы привести (*sollte führen können*).

Хоннет рассматривает в этой связи три предполагаемых и возможных объяснения. **Первое – крах коммунистических режимов в Восточной Европе, распад Советского Союза.** На это, мол, часто указывают западные интеллектуалы. Делая отсюда вывод о «размывании» надежд на какое-то состояние «по ту сторону» капитализма. Но он не разделяет этого мнения. Считает, что падение Берлинской стены вряд ли могло бы убедить немцев в

том, что государственный социализм советского образца жертвовал социальным благополучием ради «несвободы». И вряд ли ослабило бы возмущение растущей на Западе пропастью между частным богатством и общественным благом. До Российской революции 1917 года реальной альтернативы капитализму не было, но это не мешало людям в XIX веке представлять себе возможность «ненасильственного социализма в солидарном и справедливом обществе».

Другое часто приводимое объяснение, по автору, это изменение коллективного сознания в обществе, вступившем в эпоху Постмодерна. Связанные с этим изменения охватили всю сферу культуры. Характерные для предшествующей эпохи Модерна представления о направленном прогрессе сменились разочарованием в прогрессе, безразличием к изменению общественного устройства. Будущее стало восприниматься как простое повторение старого, уже известного. **В результате утрачена возможность предвидения нового.** Но и это суждение представляется Хоннету неубедительным, поскольку оно не учитывает надежд (им самим сильно завышаемых) на «всемирно» признаваемое утверждение прав человека.

И еще одно объяснение, которое Хоннет считает наиболее близким к действительности. Речь идет о роли политической, институциональной сферы. Но, по мнению Хоннета, **«политическая материя», несмотря на существующие объективные препятствия, доступна целенаправленным изменениям, выходящим за пределы существующего порядка.** И Хоннет стремится развить эту мысль с позиции своей «теории признания» – способности индивидов признавать чувства и права других людей, а общества – заслуг каждого человека, его «общественной ценности» в контексте экзистенциальных ценностей свободы и справедливости.

Решение проблемы видится Хоннету исключительно в сфере общественного сознания, нравственных ценностей, вне зависимости от существующих социально-экономических условий капиталистического общества. Прежний утопический социализм (он включает сюда и марксизм)

он критикует за сведение возможности реализации «социальной свободы» к сфере экономических отношений. В этом, по его мнению, состояла ограниченность «исторического социализма». **Социал-демократический лозунг «демократического социализма» не меняет дела.** Поскольку за ним стоит будто бы недооценка институтов либеральной демократии, ведущая к отрицанию их самоценности. Позитивная программа левых в Западной Европе мыслится ими якобы «исключительно в плане социально-экономических мер, не затрагивающих сферу политической свободы».

Односторонность аргументации Хоннета бросается в глаза. Он игнорирует влияние социально-экономических условий на политическую, культурную, моральную сферу, на общественное сознание. Отрывает его от реальных экономических, социальных и политических *интересов* – действительной движущей силы развития капиталистического общества. Идеализирует либеральную демократию, извращаемую на каждом шагу вследствие вмешательства больших денег, особых интересов т.н. «элиты» и использование средств массовой информации в качестве способа манипулирования массовым сознанием.

Роль общественного сознания, безусловно, велика. Но само по себе оно не может «произвести» трансформации общественного устройства, так как испытывает постоянное воздействие социально-экономической среды, навязывающей людям определенные стереотипы представлений и модусы поведения. Изменение сознания предполагает и практические действия, направленные на изменения в общественном бытии. Критикуя утопический социализм, Хоннет сам создает очередную идеалистическую конструкцию.

Хоннета можно упрекнуть и в том, что он сильно преувеличил то, что назвал «всеобщей» утратой на Западе видения всякой альтернативы будущего. Результаты социологических опросов, проводимых в западных странах, свидетельствуют о том, что антикапиталистические настроения там, явные или подспудные, по-прежнему существуют. Разительные («скандальные», по словам самого Хоннета) контрасты богатства и бедности

многими и там воспринимаются как несправедливость, как проявление дефективности существующего общественного устройства.

В 2016 году британское агентство YouGov провело в трех крупнейших западных странах опрос на тему «*капитализм или социализм*»? Результаты удивили многих. В Германии о благоприятном отношении к социализму заявили 45% респондентов, тогда как предпочтение капитализму выразили только 26% опрошенных. В Великобритании это соотношение оказалось не столь выразительным, но выбор в пользу социализма тоже преобладал – 36% «за» и 32% «против, тогда как в пользу капитализма высказалось 33% опрошиваемых, а против – 39%. Даже в США, где приверженность капитализму в массовом сознании преобладает (52%, согласно тому же опросу), 29% высказались в пользу социализма и 27% – против капитализма [British people...].

Аналогичный опрос в США в 2017 году показал такой расклад: среди населения в целом выбор в пользу капитализма поддержали бы 59%, в пользу социализма – 34%. Но **представители молодого поколения («миллениарии») предпочли бы социализм (49%) капитализму (42%)**. Правда, среди них лишь треть смогли дать сколько-нибудь внятное определение социализма. То есть речь идет об интуитивном, смутном, скорее эмоциональном, чем четко осознаваемом выборе [Annual report...].

Это, когда вопрос ставили, как говорится, «в лоб» – об отношении к общим понятиям, обозначающим две различные общественные системы. Когда респондентам задают вопрос в более конкретной форме – о предпочтительности той или иной *политики* в социально-экономической области, то результаты получаются даже более выразительные. Вот данные опроса, проводившегося в Англии в начале 20-х гг. Более половины опрошенных высказались за национализацию в отраслях, предоставляющих ряд важнейших общественных услуг [Nationalisation of utilities...].

Конкретные цифры таковы:

Услуги	Передать в общественный сектор (%)	Оставить в частном секторе (%)
Пожарная служба	73	11
Скорая помощь	67	17
Водоснабжение	63	14
Национальная служба здравоохранения	61	22
Социальная поддержка	57	24
Железнодорожное сообщение	57	24
Энергетика	55	20

Доля высказываний за национализацию в упомянутых отраслях выше, естественно, среди сторонников лейбористской партии. В связи с этим лейбористы, которые ранее сняли этот лозунг из своей программы, вынуждены были взять обязательство вернуться к нему. Но сторонников национализации немало и среди тех, кто традиционно голосует за консерваторов. Например, за ренационализацию железных дорог среди приверженцев лейбористской партии – 77%, в консервативном лагере – 44%. Кроме того, среди последних немало тех, кто готов был бы согласиться на гибридную систему, т.е. на сочетание частного и публичного секторов.

На итогах этого опроса сказались, конечно, и последствия событий в международной жизни. Но, как отмечается в комментариях, речь идет о тенденции, нарастающей на протяжении уже длительного времени. Почему же эта тенденция не трансформируется в широкое общественное движение? **Один из факторов, это все же, по-видимому, укоренившееся в массовом сознании не только у нас, но и на Западе отождествление социализма с коммунизмом.** А коммунизма – с советским государственным социализмом, который, с подачи официальной пропаганды, воспринимается там как синоним экономической неэффективности и полицейского режима.

На это обстоятельство указывали, в частности, оппоненты Хоннета. Говоря в общей форме о предпочтительности социализма в сравнении с капитализмом, участники подобных опросов в то же время опасаются и не хотят «экспериментов», так как боятся, что они приведут к утрате тех прав и

свобод, которыми они в той или иной мере пользуются сейчас. Это не исключает и значимости других причин утраты видения альтернативного будущего, о которых упоминает Хоннет. Но не умаляет и значимости влияния распада Советского Союза и т.н. «социалистического содружества» – событий, которые оставили глубокий след в массовом сознании на Западе.

Социализм и коммунизм – не синонимы

Идеи социализма и коммунизма имеют, конечно, общие корни (как впрочем, и идеи социализма и либерализма), уходящие в далекое прошлое, а в Новое время – в эпоху Просвещения и Великой Французской революции. Маркс и Энгельс восприняли коммунизм, получивший распространение в Западной Европе в начале XIX века, как идею, в которой виделся ответ на волновавшую их проблему эмансипации человека, преодоления эксплуатации и угнетения человека человеком, устройства общества на гуманистических началах. Переход на позиции коммунизма как самого радикального направления социалистической мысли того времени был для них естественной нравственной реакцией на невыносимое положение наемных рабочих-пролетариев в условиях промышленной революции и закономерным выводом из сложившихся у них в молодости философских воззрений.

С идеей коммунизма Маркс связывал возвращение человека к его сущности, к *общественному* бытию. Коммунизм виделся ему как совершенный натурализм, равный гуманизму, а в качестве завершенного гуманизма – равный натурализму (еще непреодоленная тогда дань натурфилософии), как «*подлинное* разрешение противоречий между человеком и природой, между человеком и человеком...» [Маркс, Энгельс, Сочинения. Т. 42. С. 116 (далее: Соч.)]. Позднее Маркс расширил и углубил свое понимание оснований для неизбежного в будущем, как он считал, перехода от капитализма к коммунизму. В совместной с Энгельсом работе «Немецкая идеология» говорилось: коммунизм «не *идеал*, с которым должна

сообразовываться действительность», а «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [Соч., т. 3. С. 34].

В обосновании ими тогда практических предпосылок для этого можно усмотреть определенное противоречие. Они исходили из того, что одна из таких предпосылок – превращение большинства человечества в пролетариев, противостоящих «миру богатства», а другая – огромный рост производительных сил, поскольку лишь это позволило бы устранить всеобщую бедность и установить универсальное общение людей, придав коммунизму необходимый исторический масштаб. Но, по логике вещей, при этом в *действительном движении* к новому состоянию общества должны были бы создаваться и предпосылки для *ослабления* революционной энергии рабочего движения и *усиливаться* (что впоследствии и произошло) предпосылки для «исторического компромисса» (А.Грамши) между трудом и капиталом, для распространения тред-юнионизма и реформизма в социалистическом рабочем движении.

Подтверждение этому можно найти и в выводах, к которым пришел Маркс позднее, при более конкретном исследовании капиталистического способа производства. Существующее общество, констатировал Маркс в предисловии к первому тому «Капитала», «не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения» [Соч., т. 23. С. 11]. Успехи тред-юнионизма в Англии и зарождение профсоюзного движения на континенте указывали на возможность реальных сдвигов в отношениях между капиталом и трудом

В написанном Марксом Учредительном манифесте Международного товарищества рабочих (1864) упор делался на практическом значении достижений рабочего движения – законодательном сокращении рабочего дня, успешной работе кооперативных фабрик и пр. Маркс подверг критике и убедительно опроверг догму о неизменном рабочем фонде, согласно которой общее повышение заработной платы считалось бесполезным для рабочих, так как это дало бы обратный результат вследствие роста безработицы. И что

поэтому стачки, да и профсоюзы, бесполезны [Соч., т. 16. С. 101-155]. Он показал, что это не так: верхняя граница стоимости рабочей силы подвижна, *эластична*. Уровень заработной платы зависит от соотношения сил между сторонами. Посредством организованных действий рабочие могут противостоять снижению заработной платы, добиваться её повышения, улучшения условий труда.

Развивая свои выводы из исследования капитализма, Маркс четко сформулировал еще один важный тезис: миссия пролетариата – дать простор *элементам нового общества*, которые развиваются в недрах существующего. При этом рабочему классу «придется пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и общество, и людей» [Соч., т. 17. С. 347]. В этой мысли присутствовало, по сути дела, предвосхищение возможности появления в странах более высокого уровня развития социально-экономической системы, сочетающей элементы социалистического уклада наряду с капиталистическим.

Постепенное распространение в странах Западной Европы гражданских прав и свобод открывало перед рабочим движением возможность создавать свои легальные организации, в том числе общественно-политические. Маркс внимательно следил за этим процессом, поддерживал борьбу за расширение прав. Хотя, к его разочарованию, возникавшие рабочие партии называли себя «социалистическими», «социал-демократическими» или как-то иначе, но не «коммунистическими». Между тем, еще в «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс подвергли тогдашние социалистические теории суровой критике – за их мелкобуржуазную или буржуазную ограниченность. Они опасались, что такой социализм только отвлекает рабочее движение от борьбы за «конечную цель».

Этого мнения они придерживались и в дальнейшем. Когда Социал-демократическая рабочая партия Германии опубликовала свою программу (1875), которая несла на себе отпечаток влияния примкнувших к ней лассальянцев с их мелкобуржуазной идеологией и склонностью к

заигрыванию с властью, Маркс в гневном письме, направленном руководителям партии, заявил: «программа никуда не годная и деморализует партию» [Соч., т. 19. С. 11]. При этом, как известно, он не отрицал возможности частичных изменений посредством реформ, законодательного регулирования, оценив фабричное законодательство в Англии как «первое сознательное и планомерное воздействие общества на стихийно сложившийся строй его процесса производства» [Соч., т. 23. С. 492].

Важным новым моментом в критике Готской программы было различение *двух фаз* коммунистического общества. На первой фазе еще сохранялся бы «узкий горизонт» буржуазного права: распределение «по труду», а не «по потребностям». Равная мера распределения (социалистический принцип!), без учета различий индивидов и их потребностей, означала бы сохранение фактического неравенства. Т.е. первая фаза – это неполный, незрелый коммунизм, каким он выходит из капиталистического общества. Эта ограниченность должна и может быть преодолена только на высшей фазе, «когда все источники общественного богатства польются полным потоком» [Соч., т. 19. С. 18-20].

Маркс, таким образом, учитывая тенденции в европейском рабочем движении, стремился увести его, если воспользоваться словами Ленина, от «бесплодного спора о словах (что есть социализм и что коммунизм)...» [Ленин, Полное собрание сочинений, изд. 5-е. Т. 33. С. 98 (далее: ПСС)]¹. Обоснованное Марксом понимание взаимосвязи и соотношения социализма и коммунизма не предотвратило, однако, последующего, становившегося все более явным размежевания между реформистским социализмом и его революционной трактовкой. Как в отдельных странах, так и в международном рабочем движении. Что стало особенно очевидным в начале

¹ В работе «Государство и революция», откуда взята цитата, Ленин так объяснял смысл «научного различия» между коммунизмом и социализмом. Различие в строгом смысле относится к полному, зрелому коммунизму, т.е. к отдаленному будущему. А первая, низшая фаза коммунизма, каким он, как представлялось, рождается из недр капитализма, будучи еще ограничен буржуазным правом, есть то, что «принято называть социализмом» (там же).

XX века, в условиях нараставшего в Европе нового революционного подъема.

Мировая война и Российская революция 1917 года поставили социалистические силы Западной Европы перед трудной дилеммой: следовать примеру большевиков или искать свой «путь к власти». Перед той частью социалистических сил, которые оставались еще на революционных позициях, вставал вопрос: как бороться за власть в условиях, существенно отличавшихся от российских? Здесь рабочее движение было более зрелым. Массовые профсоюзы, представлявшие уже миллионы организованных членов, стали, если воспользоваться выражением Маркса, «экономическим фактом». А рабочие партии – и политической силой. В Западной Европе они насчитывали в общей сложности до 4,2 млн. членов, в том числе СДПГ – более 1 млн. На парламентских выборах 1890 года социал-демократы в Германии получили 1,5 млн. голосов, в 1909 году – 3 млн., в 1912 году – 35%. Меняющееся понимание европейской социал-демократией своих задач обозначил не сразу понятый Эд. Бернштейн: «Движение – всё, конечная цель – ничто».

В программах еще сохранялась революционная риторика, но социалистическое рабочее движение все больше сдвигалось на реформистские позиции. Не в последнюю очередь и потому, что правящие круги постепенно склонялись к политике умеренных социальных реформ. Это, наряду с наметившимся в последней трети XIX некоторым улучшением условий труда и повышением уровня реальной заработной платы, во многом предопределило подспудно нараставший раскол в международном социалистическом движении.

Ленин, расценив позицию лидеров II Интернационала в годы мировой войны как предательство, предложил переименовать партию большевиков в коммунистическую, взять за образец организации власти в России Парижскую Коммуну. Он призвал к полному разрыву с западной социал-демократией, к созданию нового, Коммунистического, Интернационала.

Однако такой революционный максимализм не смог стать платформой, способной объединить международное социалистическое движение. На Западе реформистские течения сохранили преобладающее влияние в рабочем движении. Социализм как бы «раздвоился» – на два основных, противостоящих друг другу течения.

Довольно скоро пришлось признать тщетность надежды на то, что удастся «с ходу» перескочить в коммунизм (опыт т.н. «военного коммунизма»). Настояв на введении НЭПа, Ленин предложил *соединить свободу торговли с кооперацией*. Исходя из того, что в создавшихся условиях вовлечение крестьянской массы, составлявшей тогда большинство населения России, в кооперативное движение и есть социализм². Признал, что такой подход означает «коренную перемену всей нашей точки зрения на социализм» [ПСС. Т. 45. С. 376]. В его заметках (март-апрель 1921 г.) появилась и такая формула: «капитализм +социализм».

Что стояло за этим? Ленин пояснял: речь идет о переносе центра тяжести с политических задач на экономические. В статье «О кооперации» он высказал ту же мысль в более общей форме: мысль о соединении частных интересов с общими, о найденной, наконец, той степени «соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степени подчинения его общим интересам, которые раньше составляли камень преткновения для многих и многих социалистов» [ПСС. Т. 45. С. 370]. Это дает, возможно, ключ к пониманию того, в каком направлении эволюционировали бы его взгляды на будущее социалистического общества.

² Отношение Ленина к кооперативному движению менялось. До революции он настороженно относился к рабочим потребительским кооперативам («кусочки социализма», но «жалкие кусочки»), считая, что это порождает иллюзии, сбивает рабочее движение с революционного пути [ПСС. Т. 11. С. 369-370]. А выступая в ноябре 1918 года на съезде Московского центрального рабочего кооператива признал: кооперативы «на основе самодеятельности масс построили большие хозяйственные организации», которые «в некоторых случаях развились в организации, могущие *заменять и дополнять капиталистический аппарат...*» [ПСС. Т. 37. С. 201-202].

Но на то, чтобы полнее развернуть содержание этого тезиса, у него уже не оставалось времени. После кончины Ленина довольно скоро началось постепенное свертывание НЭПа. Во внутренней политике взяли верх административные, принудительные, волюнтаристские методы «строительства социализма/коммунизма». **Неотъемлемой чертой советского «марксизма-ленинизма» (по сути дела, сталинизма) стала враждебность к европейской социал-демократии (вплоть до обвинений в «социал-фашизме»). Лидеры социал-демократии отвечали обвинением большевиков в извращении социализма и отмежеванием от «советского коммунизма».**

Уроки фашизма и Второй мировой войны, обострение международной обстановки в годы «холодной войны» и появление ядерного оружия побудили обе стороны к корректировке своих позиций по отношению друг к другу. Вилли Брандт, лидер немецкой социал-демократии, связал перспективы преодоления раскола Европы с политикой мирного сосуществования. Отклоняя «гипертрофированные теории» тоталитаризма, он признал, что коммунистический режим «не столь уж статичен» [Брандт 1991. С. 78]. **Практические потребности развития политики разрядки побудили европейских социал-демократов пойти на контакты с КПСС, с другими правящими партиями Восточной Европы. Решающий сдвиг в этом направлении произошел в годы горбачевской перестройки (которую задним числом можно рассматривать как социал-демократический проект). Но перестройка была искусственно прервана. Маятник, как у нас, так и на Западе, качнулся вправо.**

Другой социализм

Многое изменилось в мире после Маркса. Промышленные страны Запада вышли на качественно новый уровень развития производительных сил. Изменился тип экономического развития. Благодаря впечатляющим достижениям технического прогресса природные силы превратились в главный источник общественного богатства, обусловив громадный рост

производительности труда. В сфере общественного производства стало преобладать производство услуг. Соответственно изменилась структура занятости. Среди работников по найму большинство теперь составляют люди умственного труда, конторские служащие (*salariat*), со свойственным этому типу работников особым психологическим складом.

Изменились условия труда большинства трудящихся. Улучшилось материальное положение, сложились довольно развитые системы, пусть не вполне надежной, но все же значимой социальной защиты. Вместе с тем резко возросла степень дифференциации армии наемного труда, особенно в международном плане, что подрывает возможности действенной солидарности в противостоянии трудящихся капиталу. В этих условиях уже не приходится связывать с промышленным рабочим классом особую, уникальную роль выразителя общих интересов. Тем более, что центр их тяжести сместился в сторону новых, глобальных вызовов, касающихся всех людей, независимо от социального положения

Эти изменения в общественном бытии позволяют говорить о *размывании тех оснований, на которых строилась теория «научного коммунизма»*. К тому же те общие принципы устройства будущего нового общества, которые выдвигали Маркс и Энгельс (следуя диалектическому принципу «отрицание отрицания»), не могли не вызывать вопросов и сомнений. Каким мог бы быть механизм нерыночной, коллективистской экономики в условиях дальнейшей диверсификации производства и усложнения экономических, производственных взаимосвязей? Какие институты негосударственного управления могли бы обеспечить разрешение неизбежных и в новом обществе социальных проблем и конфликтов? Насколько совместимы предполагаемая рациональная организация общества на основе самодеятельности масс и «свободное развитие каждого...»? Очевидной стала нереализуемость принципа распределения «по потребностям» – даже с неубедительной оговоркой о «разумных» потребностях...

Но по-прежнему сохраняется многое из того, что вызывает протест у людей, обладающих чувством социальной справедливости. Остается печать эгоистических частных интересов, которая лежит на капиталистическом обществе. Культ денег, материальных благ, жажда наживы, снедающая многих из высшего слоя т.н. «элиты». Разительные контрасты вызывающего богатства, изощренной роскоши – и шокирующей бедности.

Вседозволенность, попрание традиционных норм поведения, угроза деградации культуры. Фурии частного интереса – эти «самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души» [Соч., т. 23. С. 10], как и прежде, отравляют общественно-политический климат буржуазного общества.

Тем не менее, частные интересы, как и общие, – остаются неотъемлемыми сторонами общественной жизни. Ориентация рыночных сил на частные интересы, на более состоятельные слои, противоречивая взаимосвязь частного и общего приводят к возрастающим издержкам. Крупные корпорации деформируют рыночные отношения в ущерб обществу. Они предлагают все новые виды товаров и услуг – часто бесполезные или даже вредные и опасные. С переходом к потребительскому типу развития степень удовлетворения индивидов от пользования благами и услугами все больше зависит от общей потребительской деятельности, порождая ощущение дискомфорта. Поэтому возрастает значение социальных условий потребительской деятельности, роль коллективного обеспечения важных индивидуальных потребностей, защиты потребителей от злоупотреблений [Hirsch 1978].

Разлад между частными интересами и общественными потребностями указывает на *пределы рыночной эффективности*. Правы те, кто утверждает: «рынки – хорошие слуги, но плохие хозяева». Экономические императивы и побуждают к изменениям формы организации капитала, да и общества в целом, включая и его «надстройку». Государству приходится брать на себя новые функции – регулирование рынка труда и трудовых отношений,

социальное страхование, решение проблем, которые рынок сам не может решить или не особенно заинтересован в этом – в области народного образования, здравоохранения, водо- и энергоснабжения, развития железнодорожного транспорта, защиты окружающей среды и пр.

Все это – тот «невольный коллективизм», который стихийно пробивается сквозь индивидуалистический строй капиталистического общества, вопреки господству частнособственнических отношений. Эту тенденцию известный американский экономист Дж. Гэлбрейт прямо называл *социалистическим императивом*. «С ростом рыночной и планирующей («техноструктура», т.е. крупные корпорации.– А.В.) систем и соответствующего неравенства в их развитии доводы в пользу государственной собственности приобрели гораздо более общий характер. Дело не в том, что рынок, действующий, в общем, удовлетворительно, оказывается несостоятельным в отдельных случаях. Дело, скорее, в том, что рыночная система вообще несовершенна по сравнению с планирующей системой. Поэтому имеется предпосылка в пользу государственного вмешательства в любой части рыночной системы» (Гэлбрейт 1979. С. 351-352).

С усложнением общества сфера и значимость общих интересов объективно возрастают. Изменяется и видение будущего, характер задач, целей, в том числе и представления приверженцев социалистической идеи. Сегодня социализм – не то (или не совсем то), что вкладывалось в это понятие социалистами в прошлом. **Интеллектуальный порыв к новому осмыслению социализма в годы Перестройки многое прояснил, но вызванные ею надежды не оправдались.**

Далеко не праздный вопрос о том, что такое социализм сегодня, остается, хотя и не на первом плане, в повестке дня. Дискуссии и споры о сущности и будущности социализма продолжаются. Одно, видимо, можно сказать определенно: *современный социализм – это не особая формация, призванная сменить капитализм, а постоянная политическая задача,*

отражение общих (всеобщих) интересов людей в каждой стране и в мире, в их отличии от частных интересов, которые должны соотноситься с общими интересами, с их приоритетным значением.

Оптимальное сочетание, соединение частного и общественного – одна из важнейших проблем современности, необходимое условие как нормального развития общества, противодействия новым вызовам, так и возможности реализации общественно признанных индивидуальных потребностей и интересов. В этом плане стремление А.Хоннета актуализировать идею социализма заслуживает уважения, хотя предлагаемый им путь вряд ли мог бы привести к желаемому результату.

Было бы, наверное, ошибочным отрицать вклад европейских социалистов в реконцептуализацию идеи социализма применительно к современному, постиндустриальному обществу. Новое понимание формировалось в спорах, в острой идейной борьбе на протяжении долгих лет. После Второй мировой войны важную роль в этом процессе сыграл один из главных тогда теоретиков СДПГ **Вилли Айхлер**. Ему принадлежит заслуга **в формулировании принципов *этического реализма* как ценностного основания социализма. Он понимал этический принцип, прежде всего, как смысловое содержание политической деятельности, направленной на социальные изменения, на создание условий для реализации основных ценностей социальной демократии – свободы, справедливости, солидарности** [Айхлер 1996].

В актив социал-демократов можно записать её причастность к разработке концепции программируемого устойчивого развития – как альтернативы рыночной стихийности. В этой, вызвавшей споры, но, в конце концов, одобренной мировым сообществом концепции принцип сочетания частных и общих интересов получил признание применительно к новому, глобальному уровню, к условиям глобализации и новым, судьбоносным для человечества глобальным вызовам (хотя цели устойчивого развития так и не стали пока приоритетом в мировой политике).

Квинтэссенция принципов социал-демократизма – тезис, содержащийся в Бад-Годесбергской программе СДПГ (1959): *«Конкуренция, насколько возможно, – планирование, насколько необходимо»*. Сочетание рыночного капитализма и регулирования следует понимать также как ограничение рыночного порядка коммерческой сферой, ориентированной преимущественно на частные интересы, на доходы от предпринимательской деятельности (производство средств производства, товаров массового спроса и частных услуг), и планируемое, коллективное по преимуществу, обеспечение общих и общественных интересов (социальное страхование, здравоохранение, народное образование, наука, культура, защита окружающей среды и пр.). *Двойственность (дихотомия) заложена в природе вещей, и она может быть не только антагонистичной или конфликтной, но и продуктивной.*

К сожалению, в наше время руководство социалистических и социал-демократических партий Западной Европы отступило от ранее декларированных программных принципов и целей. Сегодня во главе этих партий не видно политиков такого калибра, как Вилли Брандт или Улоф Пальме, переживших трагедию мировой войны и вынесших из своего жизненного опыта более твердые идейные убеждения. Но при всем этом *социалистические ценности, принципы и цели, в их современном понимании, не утратили своего значения.*

Как ни парадоксально, приведенный выше тезис Бад-Годесбергской программы перекликается с цитированными выше словами Ленина о значении сочетания частных интересов с общими, об искомой степени подчинения первых вторым, что становилось камнем преткновения для многих социалистов прошлого. Планирование, насколько необходимо – это и есть известная степень подчинения стихийного развития правильно понятым общим интересам.

Какое планирование, с какой направленностью – это вопрос общественного выбора. Возможность разумного выбора всегда существует,

Возможное богаче реального. Воспользуются ли этим – зависит от обстоятельств времени, от качества политики, от интеллектуального кругозора и политической воли тех, кто принимает решения, от способности руководителей государств мыслить глобально, выходя за ограниченный горизонт повседневности, от понимания ими фундаментального значения общей судьбы человечества и своей ответственности за будущее. И лишь будущее даст ответ на трудные, тревожные вопросы современного развития.

Литература

- Айхлер В.** Этический реализм и социальная демократия. Избранные труды. – М.: ИВФ Антал, 1996. – 256 с.
- Брандт В.** (1991). Воспоминания. Пер. с нем. – М.: «Новости».
- Гэлбрейт Дж. К.** (1979). Экономические теории и цели общества. Пер. с англ. – М.: «Прогресс».
- Ленин В.И.** (1960). Две тактики социал-демократии в демократической революции // В.И. Ленин. ПСС. М.: Государственное издательство политической литературы, т. 11.
- Ленин В. И.** (1969). Государство и революция // В.И. Ленин. ПСС. М.: Государственное издательство политической литературы, т. 33.
- Ленин В. И.** (1970). О кооперации // В.И. Ленин. ПСС. М.: Государственное издательство политической литературы, т. 45.
- Ленин В. И.** (1969). Речь на собрании уполномоченных Московского Центрального рабочего кооператива // М.: Государственное издательство политической литературы, т. 37.
- Маркс К.** (1960). Гражданская война во Франции // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, т. 17.
- Маркс К.** (1960). Заработная плата, цена и прибыль // Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, т. 16.
- Маркс К.** (1960). Капитал // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, т. 23.
- Маркс К.** (1961). Критика Готской программы // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, т. 19.
- Маркс К.** (1974). Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, т. 42.
- Маркс К., Энгельс Ф.** (1955). Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, т. 3.
- Хоннет А.** Идея социализма. Попытка актуализации. Пер. с нем. А.К.Судакова. – М., Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2020. – 160 с. (Honneth A. Die Idee des Sozialismus. Versuch einer Aktualisierung. 2. Auflage. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2020.).
- Annual report on US attitudes towards socialism. // [URL:<victims-of-communism.org/wp-content/uploads/2017/YouGov-VOC-2017-for-Media-Reliese-November-2-2017-final](https://www.victims-of-communism.org/wp-content/uploads/2017/YouGov-VOC-2017-for-Media-Reliese-November-2-2017-final) > [дата посещения: 09.01.2018]
- British people keener on socialism than capitalism // Url: <https://yougov.co.uk/news/2016/02/23/> [дата посещения: 09.01.2018]

Hirsch F. Social Limits to Growth. – Cambridge, M.: // Harvard University Press, 1978.
– 202 p.
Nationalisation of utilities pols. URL://<https://yougov.co.uk>>issue [дата посещения:
10.09.2022].